

Прологомены к понятию «значение»

Человека здравомыслящего от дурака и декадента отличает желание говорить скорее осмысленно, чем бессмысленно. Но как отличить одно от другого? Обычно нам нетрудно определить это. Но есть сложные ситуации: научная речь, объяснения влюбленных, проповедь святого и т.д. Как мы можем быть уверены, что всё понимаем правильно? Этим вопросом занимается теория познания. Но открытия философов XX века позволяют уточнить его в дисциплинарной матрице философии языка: как работает механизм означивания и как возможно, что некоторые знаки ничего не значат?

Определение

Сначала философам казалось, что удачно будет сказать, что значимы те выражения, которые выражают нечто сущностное. Звучит как тавтология, но это не так. Например, значением слова «человек» является то, что человек есть по истине, допустим, «политическое животное». Такой подход может казаться свободным от проблем, но на деле он приводит к нежелательным следствиям. Во-первых, он побуждает признать, что у всего, о чем возможно высказывание, есть некая сущность. Это заставляет нас принять весьма сложную онтологию, к тому же зараженную антропоцентризмом. Во-вторых, эта точка зрения никак не вооружает нас против проблемы значения ложных высказываний (подробнее об этом см. весьма обстоятельную статью Артёма Юнусова «Козлолень против барма-

глата»). В-третьих, истинность суждений зависит от их значений, значения по предположению зависят от сущностей, а сущности суть то, что существует по истине. Получается замкнутый круг. Эти и другие проблемы побудили философов отказаться от концепции значения как чего-то сущностного. Теперь они стали думать о значении как лингвистическом объекте. Значение, писал Куайн, есть то, чем становится сущность, когда ее разводят с предметом референции и отдают замуж за слово. Впрочем, тогда философы еще не знали, что дебри языка ничем не лучше джунглей сущностей.

Факты

Чтобы совсем не заблудиться в трех соснах, остановим на мгновение машину бесконечного «а ещё...» и «а как же...» и подумаем: а что, собственно, нам известно о языке? Исследования полезно «пришпиливать» с помощью уже известных истин, даже если в результате рассмотрения окажется, что эти старые истины вовсе и не истины. Так, до всякой философии и лингвистики обычно принимается, что:

1. Используя язык, я выражаю свои психические состояния, такие как желания, намерения, убеждения.
2. В языке есть некая формальная составляющая, обычно называемая грамматикой, и эта часть является в известном смысле общей для всех, кто пользуется неким конкретным языком.
3. Язык не изобретается нами заново, обычно мы заста-

ем его уже существующим в том обществе, в которое мы включены или хотим включиться.

4. Язык позволяет нам указывать на вещи, объекты, явления в мире, давать им названия.

Успешная теория значения должна учитывать эти положения, пусть даже прямо опровергая их. Она должна объяснить нам, как соотносятся Сознание, Грамматика, Общество и Вещи, и как из этого соотношения рождаются значения.

«Я думаю об этом так»

Люди науки пытаются прояснить свои мысли об элементарных основаниях нашего бытия. Поэтому неудивительно, что, отказавшись от учения о сущности, некоторые теоретики значения объявили Сознание сердцем языка. Действительно, когда я говорю, что «Плутон — карликовая планета», я выражаю некоторую мысль. Важны все слова: я, выражаю, некоторую (т.е. конкретную, определенную), мысль. Эта конкретная мысль о карликовости относится именно к Плутону. Согласно Д.С. Миллю, значением имени собственного является объект, вместо указания на который было употреблено это имя. Тогда значением предложения является некая мысль о некотором объекте. Этот подход может быть дополнен обращением к Обществу, то есть значением высказывания является такая мысль, которую поняла из него некая аудитория, бывшая целью высказывания, при условии, что эта аудитория способна продемонстрировать это понимание. В XX веке этот подход получил широкое развитие у последователей программы Пола Грайса и у теоретиков речевого акта — Дж. Остина и Дж. Серла. Этот подход лег в основу изучения прагматики языка. Однако прагматика, объясняя, как мы понимаем друг друга, не объясняет, как именно вещи входят в наши теории — «ну, вот так, практика», говорят сторонники этого подхода. Многим это кажется недостаточным¹.

«Долой короля!»

Однако у этого подхода есть и другие проблемы. Одна из них связана с законом тождества:

(1) Акихито есть Акихито.

1. Стоит заметить, что исторически учения Милля и Грайса не пересекаются, они направлены на разные проблемы, я связал их лишь для иллюстративности.

(2) Акихито есть правящий император Японии.

Согласно учению Милля, «Акихито» и «правлящий император Японии» указывают на один и тот же объект, и поэтому неясно, как объяснить, что (1) понятно и истинно, даже если не существует ни одного японца, а (2) является результатом того, что я пролистал Википедию. Можно сказать, что тут дело в том, что, посмотрев Википедию, я изменил свои интенции, мое сознание получило новое содержание, которое я и выразил в (2). Но тогда встает вторая проблема: не совсем понятно, что делать с пустыми именами, такими как «нынешний король Франции». Они должны быть либо признаны ничего не значащими, либо мы опять всё спишем на изменение интенции. Но в таком случае мы столкнемся с третьей проблемой: какова природа интенции? Получается, как это описывает Серл, что философия языка становится ветвью философии сознания. Но можно попытаться избежать этого рискованного шага. Для этого нужно что-то сделать с первыми двумя проблемами. Философы подключили Грамматику.

Решение первой проблемы связывают с именем Фреге. Фреге различил смысл, значение и представление. Представьте, что некто смотрит на Луну в телескоп. Саму Луну Фреге называет значением слова «Луна», объективный образ на линзе — смыслом, а «Луну» в глазу — представлением. Последнее не играет никакой роли в логике

познания. Ведь когда мы складываем 2 и 2, результат зависит не от нашего сознания, а от объективных законов арифметики. Важнее всего оказывается смысл, то есть та информация о знаке, которая позволяет соотнести его со значением-объектом. Эта информация выступает функцией, сопоставляющей слову вещь. Это радикально новый взгляд на язык, который расширяет область возможных мыслей о языке, которая была задана выделенными нами фактами. И теперь можно решить проблему с тождеством. Тот прирост знания, который есть в (2), возможен благодаря изменению смысла. Но что это за объективный смысл? Не сделали ли мы нашу онтологию еще сложнее, чем в случае учения о сущностях? Вполне возможно. Сам Фреге окончил свои дни платоником. Зато это нехитрое

на первый взгляд различие позволило совершить великую революцию в логике, сопоставимую по радикальности только с рождением логики как таковой.

И всё же это очень неэкономная онтология. Да и не ясно, что делать с пустыми именами. Спасения от этих проблем искали на пути дискриптивизма. Что, если пустые имена — вовсе и не имена, а описания? Рассмотрим случай лысого короля Франции. Суждение «Нынешний король Франции лыс» означает конъюнкцию (А) существует такой Х, что он король Франции; и (В) такой Х обладает свойством «быть лысым». Но (А) ложно, а значит, всё суждение является ложным. Иными словами, у него есть значение, и это значение — ложь, и у него есть смысл — его описание. Это позволяет сохранить и выразительное богатство языка, и точность научной речи. Фокус тут в том, чтобы отказаться от мнения, что предложения «Король Франции лыс» и «Вася лыс» имеют одинаковую логическую форму. Потому что в первом случае мы имеем дело не с именем, а с описанием, а во втором — с именем. Ответственность за это решение несет лорд Бертран Рассел.

«Употребляю, не трогай меня»

Звучит диковато. Поэтому можно попытаться вовсе отказаться от идеи, что пропозиция и истинность имеют отношение к значению. Среди теоретиков непропозиционных теорий наиболее известны Витгенштейн и Дэвидсон. Предположим, что я прошу вас: «передай мне соль, пожалуйста». Вы поймете мою просьбу, не зная ничего ни о теориях сознания, ни о логике, ни о химической природе соли. Вам достаточно находиться в такой ситуации, в которой обычно люди нашей культуры говорят такие слова. Поэтому значение можно мыслить как употребление,сообразное неким правилам, которые имеют силу в определенных жизненных ситуациях. Проблемы не существует. Вместо того, чтобы решать загадки языка, сидя в кабинете, исследователь должен погрузиться в гущу самой жизни и смотреть, как живые смыслы порождаются живыми людьми. Такое решение позволило Витгенштейну стать героем культурологов, социологов и антропологов.

Конец лингвистического поворота

Кабинетных философов это не удовлетворило. Крипке полагал, что, формулируя проблему значения в лингвистических терминах, мы только запутываем сами себя.

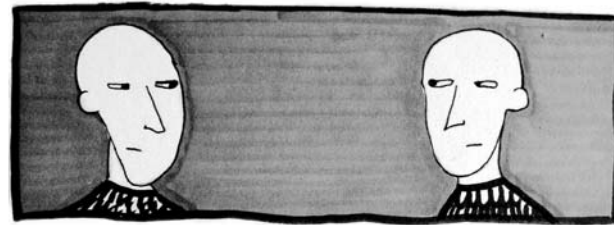
В начале 70-х годов Дэвид Льюис предложил различать семантические и фундаментальные теории значения. Первые занимаются описанием того, что в языке отвечает за приписывание значения. Эти исследования легли в основу логической семантики, которая нашла свое применение в лингвистике, программировании и социальных науках. Но для философии более важны фундаментальные теории, которые пытаются объяснить, почему, собственно, это семантическое образование значит вот то, а другое — вот это.

Уже упоминалось, что Грайс попытался построить фундаментальную теорию, основанную на ведущей роли Сознания. Крипке и Патнэм ответили каузальной теорией, выдвинувшей на первый план Вещи и Общество. Они попытались показать, что значение не находится у нас в голове. Для этого был использован аргумент «Двойник Земли». Представьте, что существует мир, полностью повторяющий нашу родную планету. Там есть такой же человек, как я, который написал такие же Прологомены, и ваш двойник, который их в настоящий момент читает. Эти миры схожи во всем, кроме химической формулы того, что обозначается словом «вода». Внешне их «вода» ничем не отличается от нашей H_2O , но химики выяснили, что у нее совсем другая формула. Вы и ваш двойник, указывая на воду, находитесь по предположению в одном и том же психическом состоянии, у вас одна и та же интенция, вы делаете это указание в рамках одной и той же ситуации. Но на самом деле объекты, на которые вы ссылаетесь, разные. Поэтому Сознание и Общество не могут служить достаточными функциями для связи слов и значений. Нужны еще Вещи, а Общество нужно специфицировать — внутри него существует лингвистическое разделение труда. Для каждой группы слов есть эксперты, которые отвечают за установление правильного значения. При этом они могут ошибаться, а следующее поколение экспертов переопределит значение. Но сами вещи — своими действительно существующими свойствами — помогут им в этом.

Это легко понять, если рассмотреть что-нибудь, что для вас имеет ценность. Например, золотое обручальное кольцо. Важно, чтобы оно было золотым. Я могу иметь какие угодно интенции, находиться в какой угодно ситуации, но если оно действительно не золотое (а это знают только ювелиры и химики), то оно уже не будет иметь той ценности, которую имеет сейчас. Каузальные теории позволяют объяснить, почему мы можем ошибаться и как мы обычно корректируем свои ошибки. Например, специалист в философии языка может указать мне на ошибки, которые

я допустил в этих Прологоменах. Он укажет на реально существующие свойства излагаемых теорий, которые я не учел, и он докажет свое право быть экспертом, приведя разные уместные цитаты. Изменится та функция, которой сейчас я связываю суждения о значении и их объекты, теории философов.

Так работает теория Патнэма, которая имеет любопытные следствия и для теории сознания, и для философии науки, позволяя нам быть настолько реалистами, насколько то позволяет несовершенство человеческой природы. Однако это восстанавливает в правах учение о сущности, а значит, мы должны начать наше рассуждение с начала.

Художники:
Дарья Мацкевич
Анна Давыдова
Наталья Ежова